

Дискуссионная трибуна

К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива

А.А. Крушинский

В 2010–2014 гг. прошла серия международных конференций по истории китайской логики. В статье раскрывается переломный характер этих представительных научных форумов, рассмотрено понятие «китайская логика», прослеживаются непростые контрверсы отечественной историографии относительно ее важнейшей составляющей — логики Ицзина.

Ключевые слова: Ицзин, проблема Нидэма, стиль мышления, учение об образах и числах, нумерология, паранаука.

1. Тяньцзиньские конференции и масштабный проект

Китайская логическая мысль — на острие интереса историко-логической науки XXI века. С 26 по 28 апреля 2014 г. в г. Тяньцзине проходила 3-я международная конференция по истории логики в Китае, завершившая целую серию аналогичных конференций по истории китайской логической мысли. Первая состоялась в Амстердаме (24–26 ноября 2010 г.) и не только выставила в качестве ведущего уже давно тревожащий методологов науки и историков мысли вопрос о принципиально различных стилях мышления, воплощаемых несхожими друг с другом культурами, но и выдвинула остродискуссионный тезис о Китае как о родоначальнике автохтонной логической традиции¹.

Правильные вопросы и ответственные декларации амстердамской конференции результировали в амбициозный проект создания монументального справочника по истории китайской логической мысли (*Handbook of the History of Logical Thought in China*), задуманного как всесторонний систематический обзор, суммирующий результаты современных исследований по истории логической мысли в Китае². Целью этого обзора должно стать своего рода «наведение мостов» между исследователями, работающими в основном на китайском языке и теми, кто работает в основном на английском языке. Кроме того, есть надежда простимулировать с его помощью появление новых направлений научных исследований в сфере истории китайской логической мысли.

Работа конференции Тяньцзинь-2014 шла по следующим 7 секциям: 1. Логическая мысль, связанная с *Ицзином* («Канонем Перемен»); 2. Моистская логическая мысль; 3. Логическая мысль доциньской эпохи (исключая Моцзы); 4. Логическая мысль в китай-

ской традиции от первой династии объединенного в великую империю Китая (Цинь) до завершающей историю императорского Китая маньчжурской династии Цин; 5. Внедрение и влияние буддийской логики в Китае; 6. Внедрение западной логики в Китай и ее влияние; 7. Общая проблематика компаративистского плана (сравнение логического мышления в Китае и в других странах).

Даже при беглом взгляде на очередность секций не может не броситься в глаза примечательный сдвиг (начало которому было положено еще на конференции Тяньцзинь-2013) — признание базовой роли *Ицзина* как отправной точки китайской логической традиции. Этот поистине судьбоносный прорыв был закреплён самой структурой секций третьей конференции: с последней (шестой) позиции, которую ицзиновская проблематика занимала в последовательности секций конференции Тяньцзинь — 2013, логическая мысль, связанная с *Ицзином*, переместилась на **первую**.

Для реализации грандиозного замысла два года подряд (2013–2014) в Тяньцзине собирались ведущие специалисты по истории китайской логической мысли из разных стран мира³. Работа над проектом Справочника началась на тяньцзиньской конференции в 2013 г., а к завершающей конференции (2014) проект приобрел вполне осязаемые формы чернового варианта всех планируемых семи томов. Содержание томов этой предварительной версии повторяет перечисленную выше очередность секций: первый том посвящен логическим аспектам *Ицзина* и ицзиноведения, второй — моистской логико-эпистемологической рефлексии и т. д.

2. Проблема китайской логики

Глобализованный мир современности настолько тесен и досконально разведан, что, казалось бы, не оставляет места для каких-либо «белых пятен» где бы то ни было. Ожидать обнаружения в его интеллектуальной истории сколь-нибудь значительных лакун, по-видимому, столь же бессмысленно, как, к примеру, отправляться в морской круиз с надеждой на открытие нового материка. Тем не менее, обширная *terra incognita* в нынешнем интеллектуальном ландшафте все же существует — это логическая мысль Древнего Китая.

Ситуация с древнекитайской логической мыслью не просто уникальна (по мнению ведущих современных исследователей китайского логического наследия⁴ она базируется на принципиально иной, нежели в остальных создавших логику цивилизациях, лингвистической базе⁵), но и выглядит парадоксальной. Действительно, до сих пор весьма влиятельна точка зрения, ярко представленная историко-философскими раздумьями М. Хайдеггера о логосо-соразмерном мышлении Запада, тесно увязывающая логику именно со звучащим словом/высказыванием («логосом»). Историко-логические экскурсы Я. Хинтикки — одного из крупнейших логиков современности — уже гораздо предметнее развивают гипотезу об «опоре на звучащее слово», обнаруживаемой анализом некоторых примечательных особенностей эллинской логико-семантической рефлексии.

Заметим, что отмеченная выше кажущаяся парадоксальность китайской «бессловесной» логики, равно как и «невербального логоса» (настоящее *contradictio in adjecto*!) возникает в результате неправомерного сведения логики исключительно к ее античной модели⁶ при фактическом выведении за скобки беспрецедентной в мировой истории логико-семантической рефлексии над иконическим типом письма, осуществленной в Древнем Китае⁷.

Проблема самобытной китайской логики — вопрос о существовании развитой (и при этом собственно **китайской**) логической теории в Древнем Китае — возникла не сегодня, ее история насчитывает уже не одно столетие. Дело в том, что приблизительно с конца позапрошлого века (с так называемых опиумных войн) проблема научно-технического отставания Китая от развитых стран Запада (прежде всего — в военной сфере) вста-

ла перед китайским обществом с чрезвычайной остротой. Китайские ученые, осмысляя причины безуспешности неоднократно предпринятых позднецинской интеллектуальной элитой попыток модернизации, в конце концов, признали предполагаемое отсутствие формальной логики в культуре традиционного Китая⁸ в качестве одного из главнейших дефектов интеллектуального развития Китая⁹ на протяжении всей его многотысячелетней истории¹⁰. Иначе говоря, своей нынешней актуальностью проблема существования и природы китайской логики во многом обязана так называемой «проблеме Нидэма» — вопросу о причинах возникновения современной науки (точнее, теоретического естествознания) именно в Западной Европе, а не в Китае, несмотря на первоначальное лидерство последнего в научно-техническом прогрессе.

3. Историография проблемы

Тут будет нелишним краткий экскурс в историографию проблемы логики Древнего Китая. Осознанные и систематические поиски китайского аналога европейской логики начали в конце XIX — начале XX веков ведущие китайские интеллектуалы, стремившиеся обнаружить собственную логическую традицию, чтобы оправдать свою убежденность в интеллектуальной равноценности Китая и Запада.

Самый ранний этап — можно сказать, предыстория самоопределения китайской мысли в отношении сколь грандиозного, столь и отличного от привычных античных образцов самобытного явления, каким является китайское логическо-методологическое наследие, — персонифицирован титанической фигурой крупнейшего переводчика новейшей европейской научной литературы Янь Фу (1854–1921). Он **первым** в Китае четко и недвусмысленно связал самую новейшую логическую проблематику с *Ицзином*. Иначе говоря, именно с его «подажи» проблема китайской логики предстала как проблема логического прочтения важнейшего канонического текста старого Китая, другими словами — как **логики Ицзина**.

Замечательное прозрение великого переводчика впоследствии получило поддержку и продолжение в работах знаменитого ученого, представителя нового, вестернизированного поколения китайской интеллигенции, Ху Ши (1891–1962). Его во многом спорная монография «Развитие логического метода в древнем Китае» (1922) обозначила рубеж между **предысторией** изучения китайской логики и **собственно** историей подобных разысканий. Настаивая на существовании «конфуцианской логики», Ху Ши зафиксировал решающее значение *Ицзина* в этой логике. Китайская логика, по его мнению, началась именно с Конфуция, которому китайская традиция приписывала значительную часть текстов, входящих в этот памятник.

Впоследствии неожиданное обнаружение логического измерения у поначалу выглядевших весьма неудобовразумительными позднемоистских писаний пробудило необычайный интерес к этим почти полностью забытым текстам и переместило интерес с далекого от понятности *Ицзина*, наполненного туманными афоризмами¹¹ на моистское логико-эпистемологическое наследие. Инициированный этим внезапным смещением интереса перелом¹² в исследованиях древнекитайской логики привел к курьезной ситуации с, так сказать, «жанровым» разделением одной и той же проблематики (логико-методологическое своеобразие китайской мысли) на, с одной стороны, исследования по истории китайской **логики**¹³, а с другой — на изучение собственно своеобразия китайского стиля мышления (*сывэй моши* — mode of thinking), представленного преимущественно в *Ицзине*¹⁴.

В итоге область поисков китайской логики надолго переместилась с *Ицзина* и связанной с ним философской и научной традиции на так называемую «протологику» (в терминологии А. С. Грэма) — логико-методологическое наследие софистов и поздних моистов. Тексты поздних моистов в конце концов утвердились в качестве наиболее пред-

почтительного кандидата на роль китайского «Органона»¹⁵. Тем самым выдвижение моизма в качестве преимущественного претендента на титул самобытной китайской логики, надолго (до восьмидесятых гг. прошлого века) отодвинула на задний план изучение логики *Ицзина*¹⁶.

Наметившаяся еще в девяностые годы прошлого века положительная тенденция¹⁷, предвещавшая скорое окончание затянувшегося историографического недоразумения¹⁸, совсем недавно¹⁹ получила новый мощный импульс, обозначивший поистине эпохальный поворот в истории изучения подлинных истоков китайской логической мысли.

Похоже, настал благоприятный момент для некоторой критической рефлексии относительно нелегких судеб данной проблемы сначала в советской, а позднее — в российской науке. Как и все в этом мире, ее сравнительно недолгая история знавала и взлеты, и падения.

4. Отечественная историография логики *Ицзина*

Начало советско-российской истории исследований логики *Ицзина* следует датировать знакомством одного из основоположников российского (и, конечно же, советского) китаеведения, акад. В.М. Алексеева (1881–1951) с упомянутой выше замечательной работой Ху Ши в 1923 г.²⁰ Оценка В. М. Алексеевым этой удивительной книги достаточно амбивалентна: с одной стороны он без колебаний аттестовал ее как «интереснейшую» и имеющую огромное значение для синологии²¹, а с другой, — столь же решительно не принял кардинального тезиса китайского ученого относительно логической природы ицзиновского учения об «образах», составляющего главное достижение пионерской монографии Ху Ши. По мнению российского академика, «...крайне неубедительна попытка новой денатурализации “Ицзина” и его оракульного характера и, во всяком случае, недостаточно аргументирована, чтобы быть принятой²². В консервативно-скептической позиции маститого ученого, занятой им, увы, не без опасливо-провинциальной оглядки на «просвещенную Европу»²³ нет ничего удивительного. Дело в том, что замечательные историко-логические достижения Ху Ши намного опередили свое время. Поэтому фактически открытый им важнейший фрагмент китайской логики²⁴ в принципе не мог быть проартикулирован в логически корректной форме — соответственно не мог быть адекватно воспринят научным сообществом 20–30-х гг. прошлого века (не забудем, что **современная** логика тогда только зарождалась). Так что чрезмерная суровость отдельных алексеевских оценок²⁵ имеет свои несомненные резоны (я имею в виду отсутствие необходимого понятийного аппарата)²⁶.

Впрочем, если бы даже замечательные прозрения Ху Ши и были вербализированы им более аккуратно с точки зрения современной логики, то это едва ли бы развеяло сомнения филолога и литературоведа Алексеева, по определению весьма далекого от каких-либо логико-методологических материй. В самом деле, странно было бы ожидать сколько-нибудь серьезной логической компетентности от человека, не только не имевшего никакого профессионального отношения ни к современной философии математики (основаниям математики²⁷), ни к традиционной логике, ни даже к философии, зато заслуженно прославившегося в качестве блистательного переводчика изысканной прозы Ляо Чжая. Нет спору, что, хотя по понятным причинам с захватывающими эротическими историями про всевозможные «лисий чары» у акад. Алексеева получилось заметно лучше, чем с анализом собственно логического вклада прорывной монографии Ху Ши, тем не менее, признание высочайшей научной ценности рецензируемого труда²⁸ делает честь российскому синологу, свидетельствуя о недюжинной проницательности даже в предельно далеких от него сферах мысли.

Осторожный скепсис В. М. Алексеева в отношении логико-методологического прочтения *Ицзина* хотя и огорчителен, но вполне извинителен его, мягко говоря, не ве-

ликой осведомленностью в современных ему логико-методологических веяниях, а, самое главное, до известной степени сбалансирован признанием несомненных достоинств рецензируемой им книги. Но уже у его ученика Ю. К. Щуцкого (знаменитого своим переводом *Ицзина* на русский язык) негативизм в отношении логики *Ицзина* доходит поистине до геркулесовых столпов, принимая карикатурную форму. Забавно, что категоричность его безапелляционных вердиктов²⁹ комически контрастирует с тем же, что у В. М. Алексеева нулевым уровнем компетентности как в математической логике, так и в математических дисциплинах вообще (в чем сам переводчик *Ицзина* просто душно признается³⁰).

Нимало не скрываемая логико-методологическая малокомпетентность филолога-антропософа с лихвой компенсируется у него лихим навешиванием грубых политических ярлыков на Ху Ши, работавшего в областях науки, принципиально недостижимых для ограниченного профессиональными рамками своей филологической специализации Ю. К. Щуцкого³¹. На недопустимость подобных полемических приемов ему вынужден был указать даже его учитель В. М. Алексеев³².

Резюмируя, можно сказать, что приведенные выше нигилистические оценки Ю. К. Щуцкого уже ко времени их написания безнадежно устарели, а сейчас и вовсе смотрятся лишь как диковинный анахронизм, имеющий исключительно музейное значение.

Пересмотр исходного предвзято ретроградного отношения к самой возможности существования какой-то там «логики *Ицзина*» (или «логики Конфуция») отмечен именем видного отечественного синолога старой классической школы В.С. Колоколова (1896–1979). В посмертно опубликованной заметке (1979) он писал: «...теперь можно гипотетически утверждать. Что все конфуцианские “цзины” представляют собой совершенно интегральное единое целое, в котором доминантами являются логика и риторика в **схоластическом** философском понимании» (выделено мной. — А.К.)³³. Далее следует едва намеченный набросок «силлогистической» интерпретации триграммно-гексаграммного символизма, которая очень напоминает опубликованную гораздо раньше (еще в 1934 г.) китайскую реконструкцию логики *Ицзина*, осуществленную так же, как у В.С. Колоколова, средствами традиционной логики³⁴.

Мне неизвестно, был ли российский китаевед знаком с указанной выше китайской работой, но в любом случае его попытка идентификации логики ицзиновских триграмм/гексаграмм как «схоластической» логики (помимо очевидной вторичности подобного прочтения) методологически несостоятельна. Ведь у В.С. Колоколова (так же, как у его китайского предшественника) речь идет о заведомо бесперспективных усилиях отождествления системы 64-х гексаграмм ($64=2^6$) с 64-мя в принципе возможными модусами силлогизма ($4^3=64$), основанными лишь на крайне поверхностных числовых аналогиях. Дело в том, что даже исходная **интуиция** (не говоря уже о теоретической концептуализации этой интуиции) понятия множества (понимаемого как объем общего термина, как некий род, который может быть дан в каком угодно количестве единичных экземпляров) не находит себе достаточной поддержки в мире китайского языка (соответственно — китайского мышления)³⁵.

Непосредственной историко-логической импликацией такой «нерасположенности» к теоретико-множественному стилю мышления (соответственно чуждости понятия класса) является полное отсутствие интереса у китайских ученых древности к **силлогистической** форме вывода (столь важной для истории индоевропейской мысли). Несмотря на то, что в Древнем Китае несомненно была известна силлогистическая схема дедуктивного рассуждения³⁶, в отличие от Греции и Индии, она не вызвала там никакого заметного интереса и не стала предметом **теоретического** осмысления. Здесь нет ничего особенно удивительного, поскольку силлогистика существенно опирается на понятие класса: ведь «введение таких идеальных объектов как классы в качестве

объемов понятий, идеальные отношения между ними детерминируют рассуждения силлогистического типа»³⁷.

Гораздо более оригинальна и содержательна заключительная часть разбираемой колоколовской заметки, в которой говорится об «экспликации основного текста из «Чунь-цю» посредством гексаграмм»³⁸. Речь идет фактически об опознании и попытке описания той своеобразной гексаграммной категориальности, которая фундирует многие опорные положения китайского традиционного мышления, зафиксированные в канонических текстах Древнего Китая. Хотя предпринятая В. С. Колоколовым попытка вскрыть производность вербального дискурса от ицзиновского символизма, а также проследить эту производность на примере одного из фрагментов летописи Чуньцю имеет к логике лишь косвенное отношение, тем не менее, она явилась многообещающим свидетельством нарастающей положительной динамики в российской историографии обсуждаемой проблемы.

Но автором настоящего прорыва в отечественном изучении логики *Ицзина* выступил другой российский ученый — В.С. Спирин (1929–2002), положивший в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого столетия начало российским исследованиям логико-методологических аспектов древнекитайской мысли (естественным образом центрированных *Ицзином*). Сердцевиной многогранного и новаторского творчества В. С. Спирина была твердая убежденность в существовании самобытной китайской логики³⁹, восходящей именно к *Ицзину* и многотысячелетней ицзиноведческой традиции. В ходе изучения многообразных проявлений этой логики он впервые в отечественной литературе поднял проблему специфики китайского понимания общности⁴⁰. Причем стартовой площадкой и текстовой основой для анализа данной проблемы стал у него знаменитый сицычжуаневский комментарий на четвертую девятку гексаграммы № 31 «Сочетание», посвященный круговороту светил и сезонов. Характерно, что уже эти ранние разыскания в сфере логики *Ицзина* закономерно вывели Спирина на догадку о господстве числовой и геометрической терминологии (тут достаточно вспомнить энигматичный термин «утроение и упятерение» *сань-у* в представлении китайской логико-методологической рефлексии. Впоследствии тема панматематизма китайского мышления⁴¹ и математической природы⁴² «Канона Перемен» стала лейтмотивом всего его творчества. Ему принадлежит замечательная догадка о ключевой роли гексаграмм № 41 «Убывание» и № 42 «Приумножение» в древнекитайской логике и эпистемологии⁴³. Дело в том, что знаки Сунь (Убывание) и И (Приумножение), фигурируют в знаменитом рассуждении Конфуция⁴⁴, иллюстрирующем логику умозаключений по образцу (которым он ответил на вопрос одного из своих учеников, спросившего его о возможности знания того, что за порядки будут в обществе спустя десять поколений/династий). В случае с «Убыванием» и «Приумножением» речь идет о важнейших **категориальных** характеристиках динамики воспроизведения образца — двух возможных (и практически неизбежных) типах отклонений от исходного эталона.

Важнейшим общеметодологическим преломлением темы математичности китайского логического дискурса в работах В.С. Спирина явился тезис о пространственно-числовой организованности древнекитайских текстов, задаваемой числами два⁴⁵ и девять.⁴⁶ Тем самым В.С. Спирин драматически раздвинул горизонты нашего восприятия структуры китайского классического текста, наметив путь к преодолению столь привычного для современного читателя предрассудка о линейном прочтении древнекитайской классики как якобы единственно допустимом.

Спиринское осознание недостаточности исключительно **вербального** прочтения текста — четкое понимание необходимости выхода в пространство двух измерений — закономерно привело его к максимальной акцентуации именно «образной» составляющей знаменитого ицзиновского клише «учение об образах и числах»⁴⁷. Поскольку же наиболее культурнозначимой и теоретически проработанной образностью для Китая является

не что иное, как триграммно-гексаграммная образность гуасян, постольку эта ориентация на гештальтную многомерность сян вполне предсказуемо натолкнула его на феномен **гексаграммной** подосновы китайского классического текста. Так, он попытался прояснить позднемоистскую концепцию четырех видов тождества Тун (чунтун, хэтон, титун, лэйтун) обращением к особенностям графического строения четырех типов гексаграмм⁴⁸.

Как уже было сказано выше, заслуги В.С. Спирина в открытии и продвижении нового для России научного направления (изучение логики *Ицзина*) трудно переоценить. Несмотря на известную декларативность его ведущего тезиса о существовании логики в Древнем Китае⁴⁹, начало полномасштабным исследованиям было им успешно положено. Ведь при всей спорности его порой чересчур смелых гипотез, выдающийся советский ученый глубоко осознал и максимально акцентировал специфическую математичность китайского философствования, четко зафиксировав ее источник — геометрическую образность и числовую алгоритмику *Ицзина*.

5. Морок «нумерологической» методологии

К сожалению, вскоре после появления основополагающей монографии В.С. Спирина⁵⁰ наметилась тенденция на обнуление спиринского вдохновляющего посыла. Вопреки предостережению В.С. Спирина, резко возражавшему против обозначения «учения об образах и числах» посредством столь одиозного термина как «нумерология»⁵¹, характерным мемом нарастающего регресса стал фантазм китайской «нумерологической методологии»⁵², позиционируемый изобретателями этого противосмысленного словосочетания в качестве ни много ни мало как «китайская альтернатива» европейской формальной логике⁵³.

Вообще говоря, феномен, фиксируемый китайским термином «учение об образах и числах», еще слишком слабо изучен мировой синологией, для того чтобы можно было всерьез (а не ради сиюминутных целей «высокохудожественного» перевода или аврального составления энциклопедических справочников) устанавливать эквивалентности между своеобразным явлением китайской мысли и достаточно хорошо известными фактами западноевропейской духовной культуры. И уж, по меньшей мере, безрассудно с самого начала зачислять его по ведомству паранауки, навешивая на него заведомо дискредитационные ярлыки (каковым является словечко «нумерология»).

В результате скандально затянувшееся недоразумение (вроде известной истории с поручиком Кижее) с ошибочным переводом на западные языки одного из опорных терминов традиционной китайской мысли благополучно продолжается и поныне. Хуже того. Камлания вокруг пленившего бесхитростных аборигенов импортного слова «нумерология» приобретают чуть ли не эпидемический размах. Шаманские заклинания шустрых гномов-нумерологов, повадившихся за китайскую стену за китайским же эросом⁵⁴, вгоняют доверчивые души в тяжелый сон разума, плодящий потешных монстров вроде абсурдной по форме и химерической по содержанию китайской «нумерологической методологии» и не менее анекдотичной «нумерологической рациональности». Тут и косноязычное «количественное упорядочение» (почему не «порядковое околичествование?»), и безнадежно тавтологичное «генерализирующее обобщение» (масленное масло!), и свежесочиненные «нумерологемы» с пятками/дюжинами «пневм» и «благодатей» впридачу. Парад уродов да и только!

К счастью, безумная затея окончательного «закрытия проблемы китайской логики» натолкнулась на решительное сопротивление части российского синологического сообщества, не инфицированного острозаразным вирусом «нумерологического» беснования. Так, в декабре позапрошлого года была опубликована монография автора этих строк, целиком посвященная осмыслению логико-методологическим достижениям Древ-

него Китая⁵⁵ (так что грозящее отечественной науке выпадение из открытого в нашей стране В.С. Спириным проблемного поля было успешно предотвращено).

1. «Акцентуация строгой и эксплицитной логики часто рассматривается в качестве отличительной черты Западной культуры, восходящей еще к греческой античности. Но все гораздо сложнее, и культуры иногда обнаруживают удивительное сходство, выходящие за пределы их стандартных изображений. На самом деле, логика возникла независимо, примерно в одно и то же время, в Греции, Индии и Китае». Сайт History of Logic in China. URL http://holicnet.net/?page_id=56 (проверено 15 января 2015 г.).
2. Имеющий быть изданным издательством Шпрингер на двух языках (китайском и английском). См.: URL: <http://holicnet.net/>
3. Российская наука на обеих тяньцзиньских конференциях была представлена исключительно автором этих строк (как практически единственным отечественным ученым, профессионально занимающимся китайским логико-методологическим наследием).
4. Таких, например, как А.С. Грэм, Ч. Хансен, А. Харбсмайер и др.
5. В то время как древние Грецию и Индию — общепризнанных родоначальниц оригинальных логических традиций — объединяет равно общая им индоевропейская языковая основа, здание китайской логической мысли возводилось на совершенно ином языковом фундаменте.
6. Очень специфической рациональности, тем не менее, позиционируемой в качестве универсальной и образцовой.
7. В числе предрассудков, мешающих обнаружению китайской логики, в первую очередь нужно назвать вполне догматическое убеждение (многих историков логики) в производности логики от риторики.
8. Как якобы основной причины, предопределившей несомненное отсутствие там математизированного естествознания.
9. В работах современных китайских исследователей эта мысль обычно обосновывается ссылкой на известную историко-научную гипотезу А. Эйнштейна о возникновении современного естествознания как результата уникального (в некотором смысле, **случайного**) сочетания античной формальной логики с новоевропейским экспериментальным методом.
10. В конечном итоге ответственных за то катастрофическое положение, в котором оказалась страна к началу прошлого столетия.
11. Где, как казалось европейским ученым 20-х гг. прошлого века, при наличии сильного желания и некоторой изобретательности можно было обнаружить чуть ли не любое из открытий новоевропейской науки.
12. Пришедшийся на середину прошлого столетия.
13. Идентифицируемой согласно допотопным критериям традиционной логики, импортированной из Европы еще на рубеже прошлого и позапрошлого веков.
14. И зачастую проходящее по ведомству ициноведения под рубрикой так называемого «учения об образах и числах» — *сяншу чжи сюэ*.
15. Ради исторической точности следует отметить, что уже в упомянутой выше работе Ху Ши утверждалось наличие, по меньшей мере, двух логик в древнем Китае — конфуцианской и моистской.
16. Подлинной логики традиционного Китая, которая — в отличие от ориентированного на кодификацию аргументативной практики моистского теоретизирования — не схватывается посредством затверженных историко-логических штампов.
17. Первой китайской монографией, специально посвященной логике *Ицзина*, явился труд Чжоу Шаня «Чжоу И вэньхуа лунь» («О культуре Чжоу и»), увидевший свет в 1991. В 1999 г. автором этих строк была опубликована монография «Логика “И цзина”: дедукция в древнем Китае». На сегодняшний день наиболее масштабной попыткой китайской историко-логической науки взглянуть на *Ицзин* в ракурсе истории китайской логики является объемистая книга У Кэфэна «Исюэ лонци яньцзю» («Исследования логики *Ицзина*», 2005).
18. Я имену в виду фактическую «узурпацию» статуса китайской логики школами софистов и поздних моистов.

19. В рамках упомянутого выше проекта создания монументальной «Справочной книги по логической мысли в Китае».
20. Рец.: *Алексеев В.М.* Hu Shih (Suh Hu). The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1922 // Восток, 1925. Кн. 5. С. 237–242.
21. «Теория Конфуция, изображающая его учение логикой в первую очередь, заслуживает, как бы к ней ни относиться в целом, самого серьезного внимания». *Алексеев В.М.* Рец.: Hu Shih (Suh Hu). The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai, 1922 // Наука о Востоке. М. 1982. С. 356.
22. Там же. С. 358.
23. «Кроме всего прочего, как уже совершенно правильно отметил проф. Пеллио в “T'oung Pao”, слова Хань Фэйцзы о переносе значения «слона» на «символ» через посредство фикции не видевших слона людей вряд ли являются филологическим открытием, на котором тем более нельзя строить капитальную теорию логики Конфуция». Там же. С. 359.
24. Краеугольная для китайской логической мысли концепция «сообразования [с образцом]», центрируемая термином образа-образца *сян*, лежит в основе китайской версии дедукции — **рассуждения по образцу** (подробнее см.: *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. М., 2013).
25. «Таким образом, филологическая состоятельность, а за нею, конечно, и всякая другая в книге Ху Ши подвержена сомнению, что лишает книгу значения научного вклада, предоставляя ей пока квалификацию научного стимула и научного вопроса...». Там же.
26. Соответствующих логико-математических понятий (**алгоритма** как точного понятия, понятий **конструктивного** процесса, **конструктивного** объекта и т. п.) к моменту выхода работы Ху Ши в свет просто еще не существовало. Правда, Л.Э.Я. Брауэр уже в 1908 г. выступил с интуиционистской критикой основ классической математики, тем самым положив начало формированию конструктивистской альтернативы господствовавшей в основаниях математики теоретико-множественной парадигме (и тесно связанного с ней засилья аксиоматизма в логике). Но до переосмысления и переобоснования интуиционистских подходов посредством математически уточненного понятия алгоритма оставалось еще почти столетие.
27. Где в первые десятилетия прошлого столетия как раз и происходили революционные преобразования, знаменовавшие рождение современной логики.
28. «...мимо этой книги пройти уже никак нельзя в отличие от очень многих ее предшественниц (частичных), которые могли быть писаны и не писаны без влияния на дальнейшие судьбы науки. Теория Конфуция, изображающая его учение логикой в первую очередь, заслуживает, как бы к ней ни относиться в целом, самого серьезного внимания. Принятие ее или отвержение, во всяком случае, будет чревато последствиями для науки, которая сталкивается книгою Ху Ши с мертвой точки». Там же. С. 357.
- И еще: «... отказ от оккультной традиции “Ицзина” (“Книги перемен”) и перенос центра тяжести на знаменитые “Добавления”, интерпретируемые, в свою очередь, как логические теории, или же рассуждения, касающиеся логических проблем, сдвигают с мертвой точки знаменитую каноническую книгу, лежавшую в синологии мертвым капиталом». Там же.
29. «... теория о логическом и математическом значении “Книги Перемен” требует некоторых рассуждений для того, чтобы быть окончательно отвергнутой. Разберем сначала мнение о ней как о логическом трактате. Каждому, кто основательно знаком с историей китайской философии, известно, что древние философы не оставили после себя трактатов по логике. Известно, что формальная логика, изложенная систематически, появилась в Китае только с распространением буддизма — в переводах индийских логических трактатов». *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1993. С. 92.
30. В примечании к оставленной им без перевода пространной цитате из немецкоязычного обзора европейской историографии *Ицзина* он с подкупающей откровенностью заявляет: «...сохраняю язык подлинника, ибо не считаю себя переводчиком, компетентным в математике». Там же. С. 159.
31. «Профессор Ху Ши пытался, как известно, найти логику у Конфуция. Мне не кажется убедительной его работа, особенно если принять во внимание шовинистические причины, руководящие им в этих поисках. Националистически настроенная китайская буржуазия не могла смириться с историческим фактом, что логика как наука появилась в Китае лишь с иноземным, “чужим” буддизмом. Утверждая свою “самостоятельность”, понимаемую с точки зрения шовинизма, эта буржуазия в лице Ху Ши, Лян Ци-чао и др. не могла не искать логику в китайских

- классиках. Этим же объясняется и увлечение Мо Ди, равно как и попытки превратить его в основателя формальной логики в Китае». Там же. С. 194.
32. «Я отрицаю шовинистические импульсы у Ху Ши в его прекрасной работе “The Historical Development of the Logical Method in Ancient China”. Думаю, что этот способ газетной критики недостойн Вашей работы. Вы отмахнулись от Ху Ши. Надо было встать на его развилки!» (Алексеев В.М. Рецензия... С. 381).
 33. Колоколов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. М., 1979. Ч. 1. С. 91–107. С. 94.
 34. См.: Z. D. Sung. The Symbols of Yi King or the Symbols of the Chinese Logic of Changes. Shanghai, 1934. P. 7, 58–68.
 35. См. подробнее, например: Hansen Ch. Language and Logic in Ancient China. Ann Arbor, 1982. P. 30–54; Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013. С. 34–66.
 36. Ср., напр., силлогистическое рассуждение из широко известного китайского анекдота о «пририсовывании ног змее» *хуа шэ тьянь цзу*.
 37. Смирнова Е.Д. О чем говорят парадоксы: их роль в познавательной деятельности // Вопросы философии, 2010, № 6, с. 65.
 38. Колоколов В.С. Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю». С. 91–107, 102.
 39. «В форме канона (в древнекитайском понимании) заключены различные формы выводного знания. И видимо, при изучении логики в древнем Китае следует обратить внимание на схемы этих выводов, данные в самих текстах. <...> Конечно, нельзя отождествлять древнекитайскую логику с современной, но многие факты, открытые путем структурного анализа, свидетельствуют о тесной связи древнекитайской логики с математикой, а это дает возможность для более решительного применения современных логических воззрений при интерпретации древнекитайской логики». Спиринов В.С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976. С. 218.
 40. Спиринов В.С. О «третьих и пятых» понятиях в логике древнего Китая // Дальний Восток. Сб. ст. по филологии, истории и философии. М., 1961. Вслед за этим ряд отечественных исследователей пытался (впрочем, без особого успеха) продолжить работу в том же направлении. Только недавно наметился существенный прогресс в исследованиях данной проблемы (см.: Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013).
 41. «Придав несколько специфический оттенок словам, можно сказать, что древнекитайская философия была “математической”: она строилась по поводу текстов, имеющих форму системы уравнений, часто сама строила свои рассуждения в такой же форме. Если в Академию Платона можно было входить только знающим геометрию, то к древнекитайской философии можно подойти, лишь усвоив суть тех приемов, которые применялись в древнем Китае при решении систем уравнений, поняв связи этих, казалось бы, лишь алгебраических явлений с коренными вопросами философии Китая». Спиринов В.С. Рационализм в классической китайской философии // Архив российской китаистики. М., 2013. Т. 2. С. 41, 43.
 42. «... Так что можно говорить, что в известном смысле и здесь происходит признание математического характера одного из важнейших памятников культуры Китая. За покровом «мистики» вскрывается постепенно реальное содержание, и оно оказывается математическим». Там же, с. 44.
 43. «Следует учесть, что “прибавление” и “вычитание”, о которых пойдет речь, в китайской философии имели отнюдь не узкое, “технологическое” значение, хотя и базировалось на нем. Даже довольно случайные выборки текстов обнаруживают, что в памятниках китайской классики “прибавление” (и) и “вычитание” (сунь) оказываются в тесной связи с важнейшими категориями идеологии. В отрывках 16.4 и 16.5 “Луньюя” им ставится в соответствие ряд этических понятий. <...> В отрывке 2.23 этого же источника данные слова связываются с проблемой преемственности норм поведения...». Спиринов В.С. Локализация “прибавления” и “вычитания” в “И цзине” // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1981. Ч. 1. С. 93.
 44. Где, по мнению ряда комментаторов (см., напр., У Цюэнь. *И цзин юй Луньюй* (И цзин и Луньюй). Юнкан, 2008. С. 31, 39, 405–425) они указывают на пару тех самых взаимокоррелирующих гексаграмм «Убывание» и «Приумножение», которые обсуждаются в спириновской заметке.

45. Пара симметричных фраз — элементарная образующая так называемого «универсального параллелизма». См. подробнее: *Спири́н В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976. С. 20–38.
46. Матрица вида 3×3 — «канон» по Спири́ну. Там же. С. 38–90.
47. Трактуетом В.С. Спириным в весьма расширительном смысле: «С гносеологической стороны этот феномен уходит корнями в связь текста на панцире черепахи с черточками-трещинами на нем. Соответствующий этому явлению способ познания развивался в комплексе параллельных (лучше было бы сказать компланарных) проблем: чертеж — текст (хэ ту — ло шу), форма — имя (син — мин), перекресток — речения (хан — янь), видимое — слышимое и др. Набор этих тем выявляет особый стиль мышления, свойственный древности... Его можно назвать древним картезианством. Основной его чертой является единство логики-дискурсивных структур (алгебра, исчисления) и пространственных образов. В. С. Спири́н. «ДАО», «ЖЭНЬ» и «ЧЖИ» в аспекте «нумерологии» (СЯН ШУ) // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1984. С. 216–217.
48. «Мы решились на сопоставление данного фрагмента из “Мо-цзин” с произведением, которое часто считается тоже не менее загадочным и “исключительным” — с “И-цзином”. Сопоставление показало, что четыре вида “тождества” из “Мо-цзы” точно соответствуют четырём типам гексаграмм “И-цзина”. Тезисы “Мо-цзин”, оказывается, относятся к “И-цзину”. Оба текста в рассматриваемом аспекте поясняют друг друга (или что-то третье крайне схожее с ними). <...> Итак, первый вид “тождества” (*тун*) соответствует удвоению одной и той же триграммы. Значит, вероятно, “тождество” это в частности вид соединения триграмм в гексаграмме. Если полагать, что такое “тождество” имеется во всех гексаграммах, то рассуждая абстрактно, придется констатировать, что видов такого тождества может быть только четыре. В дополнение к уже рассмотренному случаю удвоения одной и той же триграммы (пусть это будет а) следует добавить следующие типы: б) пара триграмм, отличающихся только двумя черточками-яо; в) пара триграмм, отличающихся лишь одной черточкой-яо; г) пара триграмм, отличающихся всеми тремя черточками-яо. Таковы четыре типа гексаграмм, выделяемые нашим рассуждением». *Спири́н В.С.* Проблема «тождества» (*тун*) в Древнем Китае // Архив российской китаистики. 2013. Т. 2. С. 5, 9.
49. Данное утверждение не было подкреплено им в достаточной мере — никакой **логики** в собственном значении этого слова В.С. Спириным предъявлено не было.
50. *Спири́н В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
51. «В отечественной синологии профессиональная зрелость историко-философского подхода проявилась в серьезном внимании к тому явлению, которое в переводах иногда обозначается словом “нумерология”. Перевод этот неудачен. В древнем Китае был выработан поразительно умный и гармоничный гносеологический принцип “образность-численность” (*сян шу*). В переводе получилось слепое и однобокое образование, ассоциирующееся с бессмысленной или мистической игрой в числа» (*Спири́н В.С.* «ДАО», «ЖЭНЬ» и «ЧЖИ» в аспекте «нумерологии» (СЯН ШУ). М., 1984. С. 215.
52. Изумительное своей нелепостью словосочетание, придуманное кем-то из отечественных «быстрых разумом Невтонов» и запущенное ими же в оборот в смутные перестроечные времена (середина восьмидесятых).
53. Приходится констатировать, что уровень философской (не говоря уже про синологическую!) безграмотности туземных фриков, паразитирующих на модной ныне китайской экзотике, катастрофически зашкаливает. Непреодолимые трудности с усвоением, казалось бы, элементарного различия между иконическим и символическим типом знаков закономерно увенчались у трудлюбивых графоманов грубейшей **категориальной** ошибкой — абсурдным уравниванием науки с паранаукой, когда нумерология на полном серьезе провозглашается, изволите ли видеть, «альтернативной логике формально-методологической дисциплиной». См., например: *Кобзев А.И.* Китайская логика и русская кабастика // Восток. 2000. № 5. С. 193.
54. См., например: «Китайский эрос: научно-художественный сборник» / ред. и сост. А.И. Кобзев. М., 1993, *Кобзев А.И.* Эрос за китайской стеной. СПб., 2002; В пути за китайскую стену (К 60-летию А.И. Кобзева). М., 2014.
55. См.: *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. М., 2013.